

Бай Лань смочил полотенце водой и бережно приложил к лицу Бай Юйхуэя, тихо проговорив:

— Господин, все ушли.

Под полотенцем Бай Юйхуэй протяжно выдохнул.

— Наконец-то ушли.

Бай Юйхуэй сорвал с лица полотенце, вытер свои испачканные руки и едва слышным голосом спросил:

— То, о чём я просил тебя сделать, выполнено?

— Не беспокойтесь, господин Бай, людей уже расставили, можете быть уверены, они не посрамят вашу поездку в темницу. — Бай Лань послушно взял слегка запылившееся полотенце, снова погрузил его в воду, а затем повернулся к Бай Юйхуэю с жалобой: — Господин, ну вы и чересчур усердны! Когда падали палки, стоило хоть чуть-чуть поднатужиться с помощью внутренней энергии, и ничего страшного бы не случилось. Только взгляните, в каком виде вас принесли обратно — я уж думал, вы и впрямь при смерти.

— По-твоему, палачи в Судебном приказе Дали — сплошь новички? Есть у меня внутри сила или нет, они способны понять с первых же ударов. Не использовать внутреннюю энергию вовсе — вот лучший способ сохранить жизнь.

Бай Лань только хотел что-то возразить, как снаружи раздался громогласный голос глашатая.

Учитывая тяжесть ранений Бай Юйхуэя и то, что ему было неудобно опускаться на колени, император издал указ: Бай Юйхуэй может слушать волю государя лёжа на животе.

Бай Лань, давась от смеха, опустился на колени и опустил голову, но всё равно не удержался и скосил глаза на человека на постели.

Лицо Бай Юйхуэя сейчас казалось ещё бледнее, чем сразу после возвращения, вид у него был такой, будто он вот-вот испустит дух.

Если бы Бай Лань только что сам не проверил его пульс, он бы и вправду поверил.

Глашатай лишь слышал, что Бай Юйхуэя избили палками и что раны его довольно тяжелы, но самого больного вживую не видел. Увидев же теперь, он решил, что слухи истинны.

Наспех дочитав указ, посланец тут же поспешил обратно во дворец, чтобы доложить

императору о выполнении поручения.

Бай Юйхуэй лежал на постели без движения, и лишь когда Бай Лань подполз ближе и шёпнул на ухо, что всё безопасно, он вытянул край одеяла, зажатый подмышкой, а на его лице проступил лёгкий румянец.

— Господин, вы даже извлекли выгоду из несчастья, теперь можете взять больничный.

Бай Юйхуэй усмехнулся:

— Тебе нужна такая выгодача — не хочешь ли забрать?

— Мне такое не по зубам. Господин, император велел вам самому во всём разобраться и найти главного виновника, дабы доказать свою невиновность. С чего это вдруг этот горячий пирожок выглядит так, будто его подбросили из Судебного приказа Дали? Разве это дело не они переняли? С чего бы ему теперь снова падать на вашу голову?

Бай Юйхуэй издал стон, повернулся набок и произнёс:

— Потому что меня уже втянули в это дело. Раз уж меня всё равно побили, расследование будет выглядеть справедливым и беспристрастным. А кто будет недоволен — может смело получить ещё по два десятка палок, а потом уже рассуждать.

Бай Лань достал из-под кровати чёрную деревянную шкатулку, выбрал оттуда несколько пузырьков с мазями, поставил их у изголовья и предложил:

— Нанести вам кровоостанавливающие и обезболивающие, господин?

Бай Юйхуэй на мгновение замер и ответил:

— Не нужно, я сам.

Бай Лань не стал спорить, молча выстроил пузырьки в ряд под рукой Бай Юйхуэя, с улыбкой вздохнул и вышел из комнаты.

Стоя за дверью и прислушиваясь к доносившимся изнутри сдавленным стонам, Бай Лань улыбался всё шире.

И стоило оно того?

— Бай Лань, заходи. — Бай Юйхуэй быстро привёл себя в порядок и снова лёг на живот.

— Как господин намерен вести расследование? С чего начнём?

Бай Лань, собирая лекарства, задал вопрос.

— Какое ещё расследование, мне нужно отдохнуть. Я в последнее время слишком устал. И ещё: насчёт ночной стражи — ты же знаешь, что делать?

Бай Лань улыбнулся:

— Конечно знаю, не беспокойтесь, господин. Кто ночью придёт — того и оставим, сунется пара — уложим пару.

— Мм, сделай всё чисто.

Бай Юйхуэй невольно поморщился, и Бай Лань, заметив это, тихо спросил:

— Может, позвать лекаря? Мне кажется, вы и вправду тяжело ранены, господин.

— Пустяки, простые царапины. Эти парни из Судебного приказа мастера оставлять жестокие следы, представится случай — я с ними ещё посчитаюсь. — Бай Юйхуэй взмахом руки велел Бай Ланю убираться, заявив, что намерен крепко поспать.

В сырой и мрачной темнице Судебного приказа о хорошем сне и мечтать не приходилось.

Смертельно уставший Бай Юйхуэй едва закрыл глаза, как погрузился в глубокий сон.

Выйдя из комнаты, Бай Лань привычным движением созвал усадебную стражу, чётко распределил задачи на предстоящую ночь, а затем стремительно нырнул в уединённый кабинет.

Едва зажглись первые ночные фонари, Бай Юйхуэя разбудили, чтобы он с трудом проглотил пару ложек рисовой жижи, после чего он снова завалился спать.

Бай Лань приглушил свет в комнате до предела и, сжимая в руке длинный меч, уселся прямо у постели.

Прошло немало времени, прежде чем сверху донеслись едва слышные шаги.

Бай Лань уже собрался было сорваться с места, но в темноте лежавший на кровати человек крепко прижал его к полу и приложил палец к губам, призывая к тишине.

Шагов на крыше становилось всё больше — набралось не меньше трёх-четырёх человек.

Бай Юйхуэй припал к уху Бай Ланя и тихо приказал:

— Оставьте живого.

Получив приказ, Бай Лань тут же распахнул дверь и во всю мочь завопил на весь двор:

— Взять их!

В тускло освещённом дворе мгновенно выросли многочисленные стражники, а несколько мастеров лёгкости уже взмыли на крышу, бросаясь прямо на фигур в масках.

Лёжа в постели и прислушиваясь к отчётливому звону клинков, Бай Юйхуэй протяжно вздохнул:

— Эх, я же только починил крышу.

Когда снаружи всё стихло, Бай Лань вернулся в комнату, не запятнав себя ни единой пылинкой, и доложил:

— Приходили трое. Двое двигались слишком быстро и успели проглотить смертельный яд, а третьему переломали кости, но он успел прикусить язык. Если допрашивать его сейчас, вряд ли удастся хоть что-то вытянуть, может, подождём?

Бай Юйхуэй махнул рукой:

— Заприте его, ничего допрашивать не надо. Мне совершенно неинтересно, кто его подослал. Желающих убить меня и так хватает, одним больше, одним меньше. Стоит подержать его взаперти, как те, кому положено, сами забеспокоятся. А трупы тех двоих выбросьте вон.

— Понимаю, малыш.

— Одним трупом меньше — во второй раз за ночь они уже не заявятся. Я спать, завтра утром не смейте меня будить, я намерен выспаться вдоволь. — Зевая во весь рот, пробормотал Бай Юйхуэй.

Бай Лань уже собирался удалиться, как Бай Юйхуэй внезапно спросил:

— Что там слышно у тех, кто ушёл на юг?

Бай Лань легко усмехнулся:

— Зря вы беспокоитесь, господин, этот Цзинь Линьюэ с виду далеко не простак, у него всё в порядке.

— Он — Юэ Ци.

Голос Бай Юйхуэя прозвучал так тихо, что в тишине ночи казалось, будто граница между явью и сном растворилась.

— Юэ? Ци? Вы хотите сказать, что упомянутый Юэ Ци — ваш младший соученик?

— Он самый. Так что с нашими ищейками на юге шутки плохи: если с ним что-то случится, я заставлю их всех ответить головой.

Бай Ланя вдруг пробрал холодок по загривку, и он поспешно зачастил заверения, пятась к выходу.

Он-то думал, что они следят за Цзинь Линьюэ лишь потому, что тот человек правого премьер-министра, но никак не ожидал, что Цзинь Линьюэ и есть Юэ Ци.

Тот самый Юэ Ци! Тот самый Юэ Ци, о котором все мысли Бай Юйхуэя!

Бай Лань мысленно взмолился:

— Молодой господин Юэ Ци, умоляю, не вытворяйте никаких глупостей, просто послушно пройдите следом за старым министром для галочки, ради всего святого, не ищите себе проблем.

А тот самый предмет заочных молитв Бай Ланя, находившийся за тысячу ли от Столицы, спал этой ночью крайне беспокойно.

Проворочавшись целый час, он наконец поднялся, не раздеваясь, снова сел у окна и на одном дыхании дописал письмо, которое до этого то и дело принимался рвать и начинать заново.

Вложив послание в конверт, Цзинь Линьюэ повертел его в руках, тщательно обдумывая всё до мелочей, ловко запечатал, набросил верхнюю одежду и направился к конюшням постоянного двора.

Шаги Цзинь Линьюэ были бесшумны, он не потревожил ни единой души.

Положив запечатанное письмо прямо в ясли, он бросил в пустоту:

— Передайте это письмо вашему господину.

С этими словами он повернулся и направился обратно в свою комнату, даже не оглянувшись.

В темноте конюшни какая-то тень воровато спрятала письмо с обратным адресом Бай Минъюня в рукав и вновь растворилась во мраке.

Словно избавившись от тяжёлого груза на сердце, Цзинь Линьюэ проспал до самого утра без единого сновидения. На следующий день он выглядел бодрым и свежим, вызывая искреннюю зависть у старых костей министра общественных работ.

Точно так же завидно сладко спал и Бай Юйхуэй.

Лишь в полдень Бай Лань соизволил разбудить Бай Юйхуэя, рисковавшего проспать до скончания веков.

— Господин, вам письмо.

Бай Юйхуэй, лёжа на животе и вгрызаясь в паровую булочку, невнятно буркнул:

— От кого?

Бай Лань замялся:

— Цзи... Цзинь Линьюэ.

Бай Юйхуэй лишь на секунду замер, но тут же взял себя в руки и прошамкал:

— Положи пока здесь, доем — посмотрю. Сходи на кухню, пусть сварят мне томатно-яичный суп, выпью чего-нибудь горяченького.

— Господин, ну и предлог же вы нашли, чтобы меня выпродворить, шито белыми нитками, — скривился Бай Лань.

— Знаешь, что отговорка, так чего не бежишь? Хочешь схлопотать пинков, пока я не встал?

Бай Лань показал язык и мгновенно испарился.

Кусок больше не лез в горло Бай Юйхуэю: он торопливо схватил письмо, принялся пальцами нащупывать строчки, аккуратно надрвал конверт и увидел обращение:

«Старший соученик...»

Старший соученик — как же тепло звучало это слово.

Бай Юйхуэй с полным блаженством перечитал эти два слова раз семь или восемь, прежде чем продолжить чтение.

На двух длинных листах всё было исписано размашистым почерком. Бай Юйхуэй вчитывался в каждую букву, живо представляя, как его милый младший соученик сидит перед ним и усердно жалуется на жизнь.

Как по дороге ему встретились странные вещи, как попалось невероятно вкусное угощение, как приключились пренеприятные происшествия, а ещё... соглядатай, которого ты прислал, старший соученик, совсем не умеет прятаться, я раскусил его едва мы выехали из Столицы, каково? Я молодец, да?

Уголки губ Бай Юйхуэя слегка приподнялись: да уж, молодец. Шпионов, которых он отбирал, хоть и нельзя было назвать первыми во всей стране, но на люди они показываться точно умели.

И этот младший соученик сумел раскусить их так рано — и впрямь подросток.

Перечитав послание ещё пару раз, Бай Юйхуэй подозвал Бай Ланя и приказал:

— Передай нашим людям на юге: смените слежку на охрану. Управляющий Цзинь давно их раскусил, смысла маскироваться больше нет. Пусть остаются на месте, а если у него возникнет нужда в помощи — подсобят.

Бай Лань изумлённо протянул:

— Цзинь Линьюэ настолько силён? Сколько времени прошло, а он уже вычислил наших людей?

— Угу, едва выехав за городские ворота.

— А? — опешил Бай Лань. — Неужели наши соглядатаи разучились маскироваться?

— Они проникают в императорский дворец как к себе домой, а ты как думаешь?

Бай Лань кивнул:

— Верно. Выходит, этого Цзинь Линьюэ и впрямь нельзя недооценивать. Но вы же сами говорили, господин, что ваш младший соученик владеет лишь основами? Вы уверены, что это именно он?

Бай Юйхуэй легко усмехнулся:

— Человек тот же самый, просто давненько мы не виделись, всякий способен измениться.

— А отвечать на письмо будете, господин? Раз уж карты раскрыты, хотите, я передам ответ через наших людей?

— Не нужно, слишком хлопотно туда-сюда пересылать.

Пожалуй, я навещу его сам.

Бай Юйхуэй славился своей решительностью.

Стоило этой безумной мысли зародиться в голове, как поначалу он даже сам испугался, но тут же успокоил себя.

На его счету и без того хватало безумств, одним больше, одним меньше.

Бай Лань крутился по хозяйству с утра до ночи и всё никак не мог выкроить минутки, чтобы поднять этого вечно залежавшегося в постели господина на обед.

Когда хлопоты по двору и дому подошли к концу, Бай Лань взглянул на дверь комнаты, которая за весь день так и не отворилась, и презрительно фыркнул:

— Он что, свинья, чтобы столько спать?

Стоило толкнуть дверь, как из щели прямо на туфлю Бай Ланя спланировало письмо.

Бай Лань рефлекторно отпрянул назад, неотрывно глядя на конверт, который с первого взгляда не сулил ничего хорошего, после чего с сомнением покачал головой и покорно наклонился, чтобы поднять его.

Почерк был безупречен, а на конверте красовалось: «Лично в руки способному Бай Ланю».

У Бай Ланя задёргался глаз, а дурное предчувствие стало ещё сильнее.

Содержание послания оказалось предельно простым и понятным: мол, Бай Лань, у меня тут разыгралось нешуточное блудливое ретивое, непременно должен навестить своего младшего соученика и проявить о нём заботу, так что пожитки и дела в усадьбе оставляю на тебя.

Что ж, с формулировкой про разыгравшееся блудливое ретивое Бай Лань был согласен всецело.

Он с самого начала подозревал, что Бай Юйхуэя снедает зуд нетерпения, а вся его напускная невозмутимость в последние дни — лишь показуха. Но Бай Лань никак не ожидал, что тот решится отправиться на поиски соученика, будучи с головы до ног усыпан свежими ранами!

Бай Лань стремглав бросился к постели и сорвал крышку с деревянной шкатулки.

Ха! Даже пузырьки с мазями прихватил. Решил попросить младшего соученика лично смазать тебе раны, да, Бай Юйхуэй? Ну ты и бесстыдник!

В это самое время упомянутый бесстыдник с комфортом полулежал в простенькой повозке, то и дело постанывая и придерживая задницу рукой, равнодушно разглядывая пейзажи за окном.

Младший соученик, подожди немного, я уже еду.

А предмет его мыслей, дражайший младший соученик Цзинь Линьюэ, тем временем вместе с министром общественных работ проводил инспекцию речной дамбы.

Они наведывались сюда уже во второй раз. В отличие от первого визита, сейчас они прибыли инкогнито.

В прошлый раз их появление местные чиновники обставили с поистине королевским размахом: оркестры гремели барабанами, простолюдинов разгоняли за три версты, и о том, чтобы расспросить хоть кого-то о реальном положении дел, нечего было и думать — повсюду виднелись лишь согбённые в поклонах чиновники да вытянувшиеся в струнку стражники.

Переглянувшись с министром общественных работ и придя к молчаливому согласию, Цзинь Линьюэ тогда лишь обменялся с местными чиновниками парой вежливых любезностей и вернулся на постоянный двор.

Однако высочайшая воля не подлежала обсуждению, и работу следовало довести до конца.

Тогда Цзинь Линьюэ предложил переодеться в простое платье и тайком выбраться наружу для негласного расследования, на что министр общественных работ согласился без малейших колебаний.

Провозившись в комнате добрую половину дня, оба сменили одежды на простенькие лохмотья с заплатами, извазали лица свежей грязью из двора, нахлобучили огромные бамбуковые шляпы, скрывавшие лица наполовину, и тайком выскользнули через чёрный ход постоянного двора.

Цзинь Линьюэ отличался острой памятью: хоть они и проехали здесь всего раз, он довольно точно запомнил дорогу, ведущую к Дамбе Жиюэ.

Путники молча шагали вперёд, заприметив же скопления беженцев, тут же подбирались ближе и прислушивались к разговорам.

Уже возле третьей группы скитальцев к ноге министра общественных работ прильнул худенький ребёнок лет семи-восьми. Его чумазое личико пересекали две грязные дорожки от слёз, и он рыдал, умоляя:

— Дедушка, дедушка, умоляю, спаси мою бабушку, ей так плохо!

Министр общественных работ, питавший слабость к детям, тотчас взял малыша за руку и последовал за ним к раскидистому дереву, под которым умирала старуха.

Цзинь Линьюэ поспешил следом.

Подобных сцен расставания с жизнью Цзинь Линьюэ навидался вдоволь, так что особого трепета они у него не вызывали.

Лицо пожилой женщины выглядело ужасно: даже не будучи профессиональными врачами, они сразу поняли, что из неё уходит сама жизнь.

Проще говоря, она умирала.

Ребёнок не понимал, что бабушка покидает его, и продолжал усердно тереть её лицо грязным рукавом, пытаясь смахнуть пыль.

Детским плачущим голосом он звал бабку, надеясь вернуть её к жизни.

Министр общественных работ тоже подбодрил её парой слов:

— Старушка, очнитесь!

Женщина с трудом приоткрыла глаза и спросила:

— Кто вы? Тоже беженцы?

Министр общественных работ осекся — у него язык не повожалося лгать человеку, стоящему на пороге смерти.

Цзинь Линьюэ вмешался в разговор:

— Бабушка, чем вы больны? Дамба Жиюэ разрушена, но разве императорский двор не выделил денежную помощь? Почему вы до сих пор здесь, в этой роще, неужели никто не вывел вас отсюда?

— Тьфу! — сзади прошёл какой-то прохожий и, услышав эти слова, зло сплюнул на землю.

— Какая ещё помощь! То деньги для чиновников, чтобы ноги унести, разве они дойдут до простых людей?

Заметив, что лицо старухи становится всё серее, а министр общественных работ едва сдерживает слёзы, Цзинь Линьюэ перехватил прохожего за рукав, отвёл в сторонку и решил расспросить подробнее.

— Откуда путь держишь, братец? — с улыбкой поинтересовался Цзинь Линьюэ.

— Все мы беженцы, какая разница, откуда? Разве ты не такой же? Чего преграждаешь путь, мне дорогу искать надо! — с этими словами тот попытался обойти Цзинь Линьюэ.

В сердце Цзинь Линьюэ шевельнулось предчувствие, он достал из-за пазухи чистую белую пшеничную булочку и сунул её в руки собеседнику:

— Не спеши, братец, поешь, успеешь ещё в дорогу.

Про скитавшийся без куска хлеба уже несколько дней, дошедший до того, что приходилось жевать древесную кору, бродяга при виде свалившейся словно по волшебству белой булки едва не откусил собственный язык от слюнок.

— Это мне просто так? — с подозрением покосился на него тот.

— Братец, это всего лишь булка. Присядь вон там, поешь спокойно, заодно помоги мне разобраться в одном деле.

Услышав манеру речи Цзинь Линьюэ, бродяга ухмыльнулся:

— Понятно. Ты ведь нездешний, верно? Книжки пишешь? Или картины рисуешь?

Цзинь Линьюэ озадаченно моргнул.

Бродяга, не обращая на него внимания, уселся прямо на землю и принялся жадно уплетать хлеб.

Затолкав за щеки три-четыре куса подряд, он наконец шумно перевёл дыхание, повернулся к сидевшему рядом Цзинь Линьюэ и неторопливо протянул:

— А не чиновник ли ты часом?

Сердце Цзинь Линьюэ ёкнуло.

Бродяга тут же рассмеялся:

— Да нет, вряд ли. Кто бы к нам ни пожаловал, только не чиновники. Писатели сюда за историями ходят, художники — за пейзажами, а уж если чиновник заявился — жди беды.

Любопытство Цзинь Линьюэ разгорелось ещё сильнее:

— С чего ты взял?

Откусив ещё кусок, бродяга окинул взглядом окрестности и, наклонившись к Цзинь Линьюэ, зашептал:

— Видишь этих беженцев, что шатаются по дороге туда-сюда? Которые из них — подставные. Это прихвостни нашего господина Чжу.

Вот это поворот! Цзинь Линьюэ внутренне напрягся.

— Господин Чжу — это местный смотритель дамбы? — Цзинь Линьюэ смутно припоминал, что во время прошлой инспекции некий чрезмерно услужливый мелкий чиновник водил их повсюду, показывая место прорыва, и долго горько плакал о скудности казны.

Бродяга презрительно фыркнул:

— Сразу видно — приезжий! Смотритель дамбы — пфф, какая важность. Я говорю про господина Чжу, нашего уездного начальника. Тот господин Чжу, про которого ты думаешь, — его родной брат.

— Братец, а ты не знаешь, зачем он подослал своих людей в ряды беженцев?

Бродяга, не поднимая головы, махнул рукой в сторону старухи:

— Вон ту бабушку избили как раз его шестёрки. Только за то, что старуха сгоряча брякнула, будто пойдёт в Столицу бить в барабан перед императорским дворцом, эти две свиньи тут же приказали своим людям изувечить её.

Цзинь Линьюэ холодно произнёс:

— И никто не посмел сопротивляться?

— Сопротивляться? — горько усмехнулся бродяга. — Когда у власти твари, разве пойдёшь наперекор? Как Дамбу Жиюэ прорвало, потоком воды деревни внизу смыло подчистую. Мой отец и брат до сих пор без вести пропавшие — живы, мертвы, никто не знает. Куда нам сопротивляться? Если я и решусь на бунт, то лишь когда найду старика отца и младшего брата, а там хоть жизнь отдать не жалко.

Поразмыслив немного, Цзинь Линьюэ спросил снова:

— А до прорыва дамбы Жиюэ были какие-нибудь предзнаменования?

Бродяга запихнул в рот последний кусок булки, удовлетворенно утёр рот и ответил:

— Какие ещё предзнаменования? Если ты ножки своей кровати вместо цельного дерева сделаешь из пустотелого, то будь готов к тому, что в один прекрасный день она рухнет прямо во сне. Сам-то как думаешь?

Цзинь Линьюэ внезапно всё понял.

Вот оно как.

Поднявшись на ноги, бродяга попрощался с Цзинь Линьюэ:

— Спасибо за булку, а мне пора идти, надо продолжать поиски отца и брата. Браток, наслушался историй — и ступай назад, а не то примет тебя эта свора за заговорщика, не сносить тебе головы. Да, кстати, когда станешь писать книгу, не забудь выписать меня повыше ростом и погрознее!

Цзинь Линьюэ улыбнулся:

— Постараюсь.

<http://bllate.org/book/21823/2259734>